

Евгений ЖАРИКОВ:

КОНЧАЕТСЯ “ПОСЛУШАНИЕ” — НАЧИНАЕТСЯ ТВОРЧЕСТВО

Объяснить, кто такой Евгений Жариков, легко самому неискушенному зрителю. Допустим, он не помнит юного лейтенанта Гальцева в картине А. Тарковского “Иваново детство”, забыл эксцентричного дипломата Вадима из комедии Г. Оганисяна “Три плюс два”, не видел красавца Леля в экранизации П. Кадочниковым “Снегурочки” Островского. Но уж комиссара Кондратьева

из телесериала Г. Кохана “Рожденная революцией” он непременно видел, помнит и, может быть, даже любит.

В свое пятидесятилетие народный артист России Евгений Ильич ЖАРИКОВ вступил с шестью десятками киноролей, восьмью годами президентства в Гильдии актеров и семью проведенными актерскими фестивалями “Созвездие”.

— Во ВГИК вы поступили сразу после школы. Актерскую профессию выбрали безо всяких сомнений?

— В общем, да. В московской школе №1, которую я оканчивал, учитель истории организовал театральную студию. Там занималась девочка на год старше, моя юношеская любовь. Закончив десятилетку, она сразу поступила во ВГИК. Вот и я решил поступить туда же, тем более что артистом мечтал стать с детства. К тому же я узнал, что курс набирают Сергей Аполлинарьевич Герасимов и Тамара Федоровна Макарова. Макарова была в моем представлении сказочной женщиной: я был влюблен в ее Хозяйку Медной горы, в Женю Охрименко из фильма “Семеро смелых”... Что касается Герасимова, то земля слухами полнилась о том, что он замечательный педагог. И вот я втайне от родителей, которые видели меня инженером-конструктором, поступил во ВГИК.

— Ваша творческая карьера началась на первом курсе, да еще в нашедшей картине Райзмана “А если это любовь?” Как режиссер нашел вас?

— Очень просто. Юлий Яковлевич был профессором ВГИКа. Когда решил снимать “А если это любовь?”, ему понадобились вечерашние школьники, то есть первокурсники. Вот он и набрал их из театральных вузов Москвы. А меня пригласил на главную роль. Сделал пробы, представил их на худсовет. В фильме, если помните, впервые говорилось об интимной близости двух учеников. Я же выглядел на экране совсем пацаненком, лет на пятнадцать. Члены худсовета посмотрели и говорят Райзману: “Ну это уж чересчур! Ты бьешь кого-нибудь постарше, а то детский сад какой-то получается”. И Юлий Яковлевич пригласил на роль Бориса Игоря Пушкирева, а меня снял в роли Сергея, одноклассника главных героев.

— А как вы попали в “Иваново детство” к Тарковскому?

— Пришел на пробы по приглашению ассистентов, и Тарковский выбрал меня. У Андрея все актеры хорошо играли. У него была грандиозная интуиция. Не всегда мог объяснить, почему нужно сделать так, а не иначе, но не сомневался, что идет единственно верным путем и имеет право диктовать свою волю актерам. Не подумайте, что это было насилие, нет. Андрей был очень мягким человеком, всегда ласково ко всем обращался. Своего помощника Георгия Натансона ругал так: “Жорочка, уйди, пожалуйста, не мешай”. Он никогда не кричал, как Пырьев: “Пошел вон!”, — он убеж-

дал. Поэтому я сразу и беззаветно поверил ему.

— Что дала вам работа у Тарковского?

— Много. Я глубже вник в специфику кино, стал лучше понимать его язык. Андрей был замечательным художником. У него каждый кадр был не только прекрасен изобразительно, но и нес глубокий смысл. В “Ивановом детстве” есть такой эпизод: идет Холин, сосредоточен, нервничает. Только что погиб Катасоныч, все из рук вон плохо. Вечер. Горят после артобстрела строения, и пламя буквально обжигает ему лицо. Он достаёт сигарету и, хотя огонь совсем рядом, вынимает зажигалку, закуривает. То есть: пользы от войны не может быть никакой, даже такой малой. И в этом весь Тарковский. После работы у Андрея я стал надевать всех своих героев какой-нибудь характерной привычкой. У Богомолова в повести Иван произносит: “Нервность во мне какая-то”. Тарковский, чтобы подчеркнуть это, заставлял Колю Бурляева грызть ногти. В сценарии этого жеста не было, Андрей позаимствовал его у себя. Когда он думал, то всегда держал руку у рта. Переняв этот прием, я позже “заставил” комиссара Кондратьева в минуты душевного волнения брать себя за ухо.

— Как сложились ваши отношения с Тарковским после “Иванова детства”?

— Мы дружили семьями. После “Детства” он писал сценарий “Андрея Рублева” вместе с Андреем Кончаловским. Ему тогда долго не давали запуститься с картиной. Я успел сняться за это время в “Три плюс два”, что он, кстати, не очень одобрил, в рижской короткометражке “Он жив”. Я был жутко популярен: стоило зайти на киностудию, как выходил оттуда с десятком сценариями под мышкой. Меня утвердили на роли Лыкова в “Царской невесте” Владимира Горюкова, Медведя в “Обыкновенном чуде” Э. Гарина. Андрей предложил мне попробовать на Рублева еще до всех этих приглашений, о чем я все время помнил. Но время шло, съемки у него не начинались, проб не делали. И тут из ГДР приехала телегруппа с предложением сняться в 62 короткометражных сериях для изучающих русский язык. Что делать? Пошел к Тамаре Федоровне Макаровой (Герасимов был тогда в отъезде) за советом. Она выслушала и говорит: “Поезжай. Здесь ты еще наснимаешься. Ты хорошо пошел”.

Я так и сделал. Горюкер и Гарин взяли себе других актеров, а Тарковский рассказал мне позже, что после опубликования сценария “Андрея Рублева” в “Искусстве кино” к нему пришел Станис-

лав Любшин. “Хочешь прекрасно-го Андрея?” — “Хочу”. “Возьми меня!” — и ушел. А потом появился Анатолий Солоницын и сказал: “Я пешком к вам из Саратова шел”. Это Тарковского поразило, он стал его пробовать и утвердил. Я больше у Андрея не снимался, но дружеские отношения остались. И когда праздновали его пятидесятилетие в кинотеатре “Встреча” в 1982 году — он уже уехал в Италию, — пришел на этот вечер. Из актеров, снимавшихся у Тарковского, присутствовали только Маргарита Терехова и я.

— Многие считают, что ваш талант с наибольшей полнотой раскрылся в фильмах о войне...

— Не уверен. Просто на мне всегда хорошо сидела военная форма. Как только меня пробовали на роль в фильме о войне, то немедленно утверждали, даже если я не соглашался. От Киевской киностудии, например, я бегал четырнадцать лет. Все, что мне предлагали, было неинтересно. Но однажды моя старая знакомая ассистентка принесла сценарий “Рожденная революцией”. “Теперь ты от нас не убежишь”, — хитро сказала она.

Между прочим, от костюма у актера действительно многое зависит, и я всегда его тщательно подбирал. Не потому, что хотел покрасоваться, а потому, что каждая эпоха имеет свои знаки, в том числе и в одежде. Этому нас учил Сергей Аполлинарьевич Герасимов... Что же касается вашего вопроса, то я для себя военные фильмы особо не выделяю. Люблю все свои роли, потому что каждой отдано много сил, времени, нервов. Иногда небольшая роль давалась труднее большой.

— Какие впечатления остались у вас от съемок в фильме “Три плюс два” от вашего партнера Андрея Миронова?

— О съемках “Три плюс два” я вспоминаю как о сказочной поре своей жизни. Три с половиной месяца на берегу Черного моря под Судак, на территории завода шампанских вин “Новый свет”. Рабочие костюмы — плавки и купальники. Потрясающий режиссер — Генрих Оганисян, к сожалению, рано ушедший из жизни. Долгие годы он работал у Герасимова вторым режиссером, был потрясающим выдумщиком: его розыгрыши славились на всю Москву. Все это сказало и на картине, которая получилась по крайней мере очень живой.

А с Андрюшей Мироновым мы начинали еще у Райзмана. Во время съемок “А если это любовь?” нас поселили в одной квартире. Потом мы снимались порознь: я — у Тарковского, он — у Зархи в “Моем младшем бра-

те”, и встретились у Оганисяна как старые друзья. Андрюша, помню, любил тянуть одеяло на себя: все время импровизировал, сыпал экспромтами. При этом шутки часто были довольно обидными. Но ему их всегда прощали, потому что он был удивительно легким человеком в прямом и переносном смысле. При весе в 85—90 килограммов двигался легко и изящнее всех нас, буквально парил в воздухе. Он почему-то звал меня на английский манер Джон. Это была единственная кличка за всю мою жизнь.

— Говорят, вы собираетесь снимать продолжение фильма “Три плюс два”?

— Идея эта возникла у режиссера и сценариста “Мосфильма” Николая Шмагина. В начале прошлого года он принес мне первый вариант сценария. Идея мне понравилась, сценарий же надо было доработать. Второй вариант, написанный вместе с Еленой и Станиславом Раздорскими, тоже не окончательный, но уже поводе, чтобы снимать. Я собираюсь выступить в четырех “ипостасях”: продюсером, сорежиссером, соавтором сценария и актером. В картине, действие которой разворачивается в наши дни, рассказывается, в основном, о детях героев “Три плюс два”.

В актерском составе произошли перемены: вместо ушедшего из кино Геннадия Нилова, игравшего Сундукова, пригласили Бориса Химичева. Андрей Миронов появился в ретроспекции, а в новых эпизодах придется снимать его дублера. Фатеева и Кустинская согласны сниматься. наших сыновей сыграют Евгений Миронов и Тимофей Федоров. Дали согласие сниматься также Любовь Полищук, Александр Филиппенко, Володя Ильин, Наталья Гвоздикава...

— А как сегодня складывается ваша актерская карьера? Правда, что вы играете только в эпизодах?

— В основном да. Из мастера главных ролей я превратился в мастера эпизодов. Намеренно отказываюсь от больших работ, связанных с длительными командировками, так как не могу долго бросать актерскую Гильдию. В прошлом году я снялся в четырех эпизодах и главной роли

в канадском полицейском телесериале “Гарри Палмер”. На участие в нем согласился потому, что они сумели подстроиться под мой график работы. Съемки шли в Санкт-Петербурге, я выставил такие штрафы в контракте за каждый день простоя, что они утром встречали меня на вокзале, снимали и сразу же отправляли обратно в Москву.

Я исполнил роль хранителя Эрмитажа, у которого преступники похищают дочь, чтобы он помог им выкрасть музейные ценности. Работали мы дружно, единственная сложность — вся роль была на английском языке. И хотя я в свое время изучал его, но текст постоянно менялся, часто прямо на съемочной площадке. К тому же мой партнер Майкл Кейн, привыкший говорить через губу и на сленге, бросал мне реплики так, что я вообще не мог ничего понять. Не выдержал я, отвел его в сторону: “Если бы ты играл на русском, — говорю, — тебе тоже было бы трудно. Так что, пожалуйста, произноси текст внятно, хотя бы последнюю фразу!” После этого он стал изъясняться подчеркнуто четко, даже перешел с американского на английский.

— Вы не жалеете, что из-за работы в Гильдии актеров отказались от многих интересных предложений?

— Конечно, жалею. Восемь лет я сознательно ограничивал себя в творчестве. Не соглашался на роли, которые совпадали с актерским фестивалем “Созвездие”. Отклонил приглашения пяти театров, до сих пор не запустился со своей картиной. Этой осенью истекает срок моего президентства в Гильдии. Многие хотели бы по-прежнему видеть меня во главе ее, но я тоже хочу заняться творчеством! Поэтому, закончив “послушание”, займусь своим фильмом, потом, вероятно, еще одним. Может быть, приму приглашение одного из театров. В общем, планы, планы, но... не будем забегать вперед, а то они не сбудутся.

Беседу вела
Юлия ПУХЛИЙ.

На снимке: Евгений Жариков и Наталья Гвоздикава.
Фото Миколы ГНИСЮКА.